

А. А. Зализняк*
(Москва)

МЕХАНИЗМЫ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Abstract. The paper considers, on the material of Russian, the means with which the expressive function of the language is realized. For the most part, human speech is characterized by an expressive attitude that the speaker's prestige is to be enhanced. This attitude is mainly realized through contrast — by demoting the value of an object mentioned and/or the addressees, particularly by manifesting a disparaging, unceremonious or condescending attitude with regard to them. Purely linguistic means supporting this attitude are considered: the use of expressive words, suffixes, or accents, elimination or weakening of the main word in a collocation or of the main link of the morphological structure. Issues of formation of expressive suffixes in the history of the language are addressed.

Аннотация. В статье рассматриваются (на материале русского языка) средства реализации экспрессивной функции языка. Человеческая речь в большинстве случаев характеризуется экспрессивной установкой на повышение престижа говорящего. Она реализуется главным образом за счет контраста — путем понижения ценности упоминаемого в речи объекта и/или слушателей, а именно проявлением пренебрежительного, фамильярного или снисходительного к ним отношения. Рассматриваются собственно языковые средства реализации указанной установки: использование экспрессивных слов или суффиксов (а также ударения) и устранение или ослабление главного члена словосочетания или главного звена морфологической структуры. Рассматриваются также вопросы формирования экспрессивных суффиксов в истории языка.

Ключевые слова: экспрессивная функция, суффиксы, ударение, история языка

Экспрессивные установки речи

Как известно, в число функций языка входит функция экспрессивная, которую можно описать как передачу некоторых дополнительных смыслов, помимо основного содержания высказывания, прежде всего передачу некоторой информации о самом говорящем.

В отличие от основного содержания речи, когда человек, как правило, знает, что он имеет в виду, здесь эта передача информации часто бывает бессознательной. В части случаев, конечно, человек понимает, что он хочет себя показать так, а не иначе, но часто он об этом совершенно не задумывается и соответствующих элементов передаваемой им информации сам не замечает.

По характеру речи слушатель может узнавать, что говорящий принадлежит к определенной социальной категории или группе. Важным элементом информации о говорящем оказывается также выраженное в его речи отношение к тем предметам, которые он упоминает.

Экспрессивные установки, которые могут присутствовать в речи, можно разделить на повышающие престиж говорящего и понижающие его.

Понижающая установка представлена лишь в определенных типах общения, например, во многих культурах в общении с иерархически старшими. Скажем, в истории русской культуры в любых прошениях XVI—XVII веков к вышестоящим автор должен был себя называть не *Иван*, *Андрей* или *Пётр*, а только самоуничижительно: *Ивашка*, *Андрейка*, *Петрушка* и т. п.

Но в свободной речи в целом в громадном большинстве случаев преобладает повышающая экспрессивная установка (осознанная или неосознанная).

При такой установке отношение к упоминаемым в речи предметам весьма часто оказывается в той или иной степени отрицательным: ироническим, насмешливым, снисходительным, презрительным и т. п.

Самому говорящему может казаться, что он тем самым всего лишь указывает (или намекает) на какие-то свойства упоминаемых предметов — например, что они мало чего стоят, или не очень интересны, или даже достойны презрения. Но всякий слушатель осознанно или неосознанно воспринимает это также и как информацию о говорящем. А именно: он непременно улавливает — осознанно или подсознательно — в подобных оценках обсуждаемых предметов тот сопутствующий эффект, что они высоко ставят самого говорящего (слушатель может при этом признавать или не признавать, что говорящий действительно заслуживает такой оценки, — но только если он осознает наличие данного эффекта). Чем ценнее упоминаемые предметы в представлении слушателя, тем этот эффект сильнее. Если говорящий может с пренебрежением или презрением относиться к тому, что слушатели привыкли считать ценным и престижным, то он сам предстает как лицо, стоящее выше уровня обычного человека.

Примечательный факт состоит в том, что в языках, где имеется значительное число экспрессивных суффиксов (например, в славянских, итальянском), среди этих суффиксов безраздельно господствуют такие, которые выражают различные оттенки отрицательной оценки: насмешливой, пренебрежительной, презрительной или устрашающей. Ср. в русском языке: *-яга*, *-юга*, *-яка*, *-юка*, *-яха*, *-юха*, *-иха*, *-ишка*, *-ушка* и так далее.

В то же время суффиксов противоположной оценки (уважительной, восхищенной и т. п.) практически нет вовсе. Правда, например, суффикс *-ище* может в некоторых контекстах выражать подобные чувства (скажем, *изумительный домище!*), но вполне возможно и *страшный домище* и т. п., из че-

го ясно, что сам по себе суффикс *-ище* никак нельзя отнести к категории суффиксов безусловно положительной оценки.

Понятно, что такая ситуация создается в языке именно в связи с тем, что в человеческой речи безусловно преобладает повышающая (говорящего) установка — с соответствующим принижением упоминаемых предметов.

Особого замечания здесь требуют, правда, уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые, на первый взгляд, могут быть отнесены к категории явно положительных. Но в действительности у этих суффиксов имеется важный общий элемент с суффиксами общеотрицательной оценки — позиция «сверху вниз» у говорящего. Уменьшительность или ласкательность в наименовании предмета почти всегда содержит в себе элемент снисходительности, то есть одного из вариантов общей позиции «сверху вниз». Иначе говоря, повышающая (говорящего) установка реализуется, пусть в более мягком варианте, и в этом случае.

Как уже сказано, глубинный смысл повышающей экспрессивной установки состоит в том, что говорящий как бы стоит выше упоминаемых им объектов, людей, событий. Другой аспект того же — это его возвышение не только над обсуждаемыми предметами, но и над слушателями. В частном случае это может быть собственно индивидуальное возвышение говорящего. Но почти всегда передается также информация о том, что говорящий принадлежит к некоторой престижной группе, к которой слушатели (все или значительная их часть) не принадлежат.

Иногда этот эффект может достигаться сознательно, особенно у тех, кто умеет хорошо управлять своей речью и предвидеть эффекты, которые она произведет. Но в обычной речи это происходит спонтанно — речь, обладающая такими особенностями, прежде всего показывает: «я говорю так же, как говорят члены группы, которую я считаю престижной и к которой я сам считаю себя принадлежащим».

О принадлежности к престижной группе говорят, в частности, все виды сленга и жаргонов. К примеру, в тюремной или уголовной жизни есть свой жаргон, и люди речью показывают свою принадлежность к такой-то категории, а не к другой; а всякий, кто ошибается, быстро себя выдает как желающий выглядеть как член категории, к которой он не принадлежит. Ту же функцию имеет и так называемый молодежный жаргон.

При этом обнаруживается примечательный и несколько неожиданный факт: сами механизмы русского языка, позволяющие показать свою принадлежность к некоей престижной группе, у всех его носителей, независимо от их социального положения и уровня образования, оказываются одинаковыми. Например, когда люди уголовного мира называют Бутырскую тюрьму *Бутырка*, показывая тем самым свое непосредственное, так сказать, фамильяр-

ное знакомство с предметом, они используют ровно тот же механизм, как когда — я прошу читателей простить меня за дерзость — Ахматова называет Нобелевскую премию *Нобелевкой*.

В самом деле: *Бутырка* и *Нобелевка* построены одинаково — выброшено основное существительное (в одном случае *тюрьма*, в другом — *премия*); остается прилагательное, которое преобразуется (с отбрасыванием суффиксов, если таковые есть) в существительное с суффиксом *-к-а*. Механизм совершенно одинаков.

Степени экспрессивности могут быть различными.

Возможна незначительная степень отклонения от чистой литературности и нейтральности. Эта первая, мягкая ступень проявления такого рода экспрессивности состоит в том, что речь говорящего свидетельствует о его хорошем знакомстве с обсуждаемыми предметами, об их освоенности.

Более сильные формы — фамильярность, грубая фамильярность, пренебрежительность, презрительность, резкая грубость и так далее вплоть до форм, уже категорически неприемлемых для тех, кто привык пользоваться обычной нейтральной речью.

Языковые способы выражения экспрессии

Рассмотрим теперь собственно языковые способы выражения экспрессии. Используемые здесь инструменты таковы:

- выбор слов;
- выбор морфем (как правило суффиксов, в некоторых особых случаях — окончаний или корней);
- выбор ударения.

Далее в этом ряду должна быть названа интонация; но в рамках настоящей работы мы ее не рассматриваем.

Можно выделить два основных механизма выражения позиции «сверху вниз» у говорящего.

Первый механизм — использование вместо нейтрального наименования обсуждаемого предмета некоторого другого слова, за которым в языке уже закреплена стилистическая окраска фамильярности, грубости, просторечия, жаргонности и т. п., или того же слова с добавлением экспрессивного суффикса. Иначе говоря, это использование жаргонного или просторечного слова (или суффикса).

Другой механизм — уменьшение роли основного наименования предмета, а именно либо его полное или частичное устранение, либо тот или иной способ его ослабления, с сохранением только каких-то дополнительных эле-

ментов наименования данного предмета. Как именно работает данный механизм и почему он служит созданию эффекта фамильярности, пренебрежительности и т. п., будет видно из примеров ниже.

Использование экспрессивных слов и суффиксов

Первый механизм достаточно прост.

Если говорящий использует слова какого-то жаргона, имеющего коннотацию низкого, грубого, то тем самым он показывает, что он знает предмет, о котором идет речь, настолько хорошо и относится к нему настолько «сверху вниз», что может о нем говорить без всякого пиетета, с полной фамильярностью. Например, если он позволяет себе называть автомобиль *тачкой*, то слушатели должны понимать, что он принадлежит к числу тех, для кого автомобиль есть нечто совершенно привычное, бытовое, не вызывающее никакого восхищения или почтительности.

Эффект стилистического снижения в наименовании предмета может достигаться также с помощью суффиксов, имеющих коннотацию фамильярности, пренебрежительности, отрицательной оценки или грубости, вульгарности. Их можно назвать экспрессивизаторами.

Различаются два рода суффиксов-экспрессивизаторов.

Одни из них несут экспрессивную коннотацию, сохраняя в то же время и свое прямое значение. Например, слово *выпивон* содержит суффикс *-он*, который на уровне строгого смысла примерно эквивалентен суффиксу *-ание*. Но *-ание* — это нейтральный суффикс: слово *выпивание* передает соответствующий смысл и только, а *выпивон* означает то же самое, но с ярко выраженной дополнительной окраской.

Суффиксы-экспрессивизаторы второй группы ничего не меняют в основном значении исходного слова, кроме добавления экспрессии. Например, слово *ворюга* отличается от слова *вор* только дополнительной экспрессивной окраской.

Русский язык, как известно, очень богат суффиксами-экспрессивизаторами как первого, так и второго рода.

В русском языке представлен также один типологически редкий случай, когда фактически ту же роль, что суффикс, играет тип склонения. Это склонение по женскому морфологическому роду, иначе говоря, окончание *-а* в исходной форме. Заметим, что с исторической точки зрения мы и здесь имеем дело с потомком форманта, который на некотором древнейшем уровне (праиндоевропейском) был суффиксом, но впоследствии сросся с окончаниями.

В современном состоянии женский морфологический род в подавляющем большинстве случаев соотносится с женским родом. Но первоначально

ное значение исходного суффикса явно было шире, чем просто женский род. Это было общее значение видоизмененности, непервичности по отношению к основному предмету. Понятно, что женский род по отношению к соответствующему мужскому названию тоже есть частный случай видоизмененности или дополнительного значения, но это всего лишь одна из возможностей. Этот частный случай со временем стал основным.

Но более широкое первоначальное значение все же до какой-то степени сохранилось в славянских языках, причем в русском языке, по-видимому, особенно отчетливо. Это значение некоторой видоизмененности, но в данном случае не в направлении женского рода, а в направлении дополнительной экспрессивной окраски. В соответствии с тем общим свойством человеческой речи, о котором говорилось выше, экспрессивная окраска почти автоматически означает окраску отрицательного характера (той или иной степени интенсивности) — в частности, пренебрежительную, осудительную и т. п.

И вот оказывается, что до сих пор в русском языке при образовании слов разговорного стиля, обозначающих лиц, если к их значению добавляется оттенок фамильярности, пренебрежительности, легкой отрицательности, то слова могут получать дополнительное *-а*, т. е. переводиться в женский морфологический род.

Нейтральные сложные слова — *дровосек*, *скороход*, поскольку чаще всего означают лиц мужского пола, имеют форму мужского рода. Но если взять слова, имеющие коннотацию легкой (а иногда даже и не легкой) отрицательности, то оказывается, что это чаще всего будет не тип *дровосек*, а слова на *-а*, например: *растяпа*, *растрёпа*, *непоседа*, *привереда*, *подлиза*, *выжига*, *зидира*, *обжора*, *пустомеля* и т. п.; число их чрезвычайно велико. В русских народных говорах слов такой структуры еще гораздо больше, чем в литературном языке. В частности, в словаре Даля (Даль) огромное количество таких слов, например: *заброда*, *зацепя*, *заеда*, *проеда* (это все люди), *провора*, *прожига*, *пустозёва*, *пустогрыза*, *пустожира* ('дармоед'), *пустохлёба*, *гологрыза*, *кривоныра*, *рукомоя* (в значении 'белоручка', то есть с отрицательной оценкой) и так далее. Все эти слова могут обозначать как женщин, так и мужчин (и реально как раз чаще всего именно мужчин), то есть никакого специального отношения к женскости эта словообразовательная модель не имеет.

Приведенные примеры — это слова без суффиксов. Но то же самое *-а* сопровождает множество суффиксов, используемых для построения слов с экспрессивной окраской, например: *бродяга*, *ворюга*, *чертяка*, *змеюка*, *неумеха*, *белоручка* и т. п.

И сюда же относится обширнейший класс так называемых гипокористик (уменьшительно-ласкательных форм) для имен собственных. Подавляющее большинство гипокористических форм к именам людей имеют форму на *-а*,

безотносительно к роду: *Миша, Саша, Ваня, Маша, Таня, Тата, Коля, Сережа*. Заметим, что близкие к этой группе по эмоциональной окраске имена теснейшего родства почти все имеют то же *-а*: *папа, мама, дядя, тетя, няня*; а для немногих, где это не так, в «семейной» речи употребительны и такие инновативные формы, как *деда, сына*.

Экспрессивная коннотация, достигаемая с помощью конечного *-а*, в этой группе смягчительно-ласкательная, т. е. более мягкая, чем в типе *растяпа*; но, как уже отмечено, это тоже одна из разновидностей психологической позиции «сверху вниз» у говорящего.

Уменьшение роли главного члена наименования

Второй механизм — уменьшение роли главного члена наименования, вплоть до его устранения — имеет несколько разновидностей.

Простейшая его разновидность, самая древняя и обладающая наименьшей экспрессивностью, иногда уже практически сводящейся к нулю, — это устранение главного члена в словосочетании «существительное + прилагательное», т. е. субстантивация прилагательного. Так, *приемная* — это замена сочетания *приемная комната, приезжий* — сочетания *приезжий человек, выходной* — сочетания *выходной день* и т. д.

Давно существующие в языке сокращения этой категории уже утратили экспрессивность; так, *приемная, приезжий, выходной* — это уже вполне нейтральные слова. Но в новых, еще не ставших привычными сокращениях такого рода экспрессивность отчетливо ощущается. Например, если кто-то называет Большой театр просто *Большой*, он тем самым демонстрирует свое тесное знакомство с предметом и фамильярное к нему отношение.

Следующую ступень реализации того же механизма составляет тот случай, когда в сочетании «существительное + прилагательное» существительное как главная часть наименования выбрасывается и остается только прилагательное, но оно снабжается суффиксом *-к-а* (с отбрасыванием тех суффиксов, которые в прилагательном уже имеются). При этом женский род таких образований вовсе не повторяет женского рода исходного слова, хотя примеры типа *Литературка* («Литературная газета») и могут создать такое впечатление. В самом деле, это же *-к-а* представлено и в *электричка* (электрический поезд), *малолитражка* (малолитражный автомобиль), *двустволка* (двуствольное ружье), *Волоколамка* (Волоколамское шоссе) и т. п. Следует полагать, что конечное *-а* в этом *-к-а*, не зависящее от рода исходного словосочетания, есть с исторической точки зрения не что иное, как то же самое *-а*, что в модели *растяпа*.

Как и слова типа *приемная*, слова данной категории с течением времени проходят некоторую стилистическую эволюцию, вполне однотипную. В конечном счете они становятся совершенно обычными русскими словами, и уже только лингвисты знают, что они когда-то были экспрессивными. Сейчас *электричка* не более экспрессивное слово, чем *поезд*. Но это конечная стадия привыкания носителей языка к тому, что данное слово употребляется на каждом шагу. А вначале, когда носитель языка услышал (или прочел в газете) подобное слово в первый раз, оно практически всегда производит (по крайней мере на тех, кто привык пользоваться нейтральными формами речи) впечатление чего-то режущего слух, неприятного, вульгарного. Таков, например, эффект слов *больничка* (больничная палата), *молочка* (молочные продукты), *гуманитарка* (гуманитарная помощь), *атипичка* (атипичная пневмония) и т. п. В то же время для тех, кто такими словами пользуется, это способ демонстрации близкого знакомства с соответствующими предметами, фамильярности и отсутствия какой-либо почтительности по отношению к ним.

Проходя последовательные стадии привыкания, по мере которого экспрессивность ослабевает и постепенно стирается, такое слово иногда даже может достигнуть противоположного стилистического статуса. Например, названия старых московских улиц, построенные именно по такой модели: *Ордынка*, *Маросейка*, *Якиманка*, *Сретенка*, *Знаменка* и т. д., — ныне уже воспринимаются как черты хорошего старого московского быта и московской речи. Все они уже вошли в язык с коннотациями замечательной старины, хотя первоначально были устроены так же, то есть с оттенком некоторой просторечности по сравнению, скажем, с *Ордынской улицей* (или *дорогой*).

Еще одно звено в ряду эффектов рассматриваемого типа составляют особенности ударения.

Некоторая корреляция между ударением слова и степенью его освоенности для данного говорящего (степенью фамильярности, которую он демонстрирует по отношению к данному предмету) обнаруживается в русском языке во многих морфологических группах слов (хотя в разных группах конкретная форма ее выражения может быть различной).

В частности, она хорошо проявляется у односложных (в исходной форме) существительных мужского рода (см. Зализняк 1977/2010).

Установлено, что имеется хорошая корреляция между ударением в этих словах при склонении и степенью освоенности слова для данного говорящего. Освоенности односложных существительных мужского рода соответствует ударение на окончаниях во множественном числе, частично также и в единственном (а именно в единственном числе этот эффект ограничен семантически: он имеет место, только если значение слова исчисляемое; в противном случае этот эффект на единственное число не распространяется).

Например, слово *стол* имеет во множественном числе форму *сто́лы*. Но в этом случае ударение было таким же и тысячу лет назад. Более показательны для наших целей те случаи, когда ударение как бы на наших глазах переместилось на окончание, а именно когда в более старых текстах и даже в узусе старших поколений у этих же самых слов представлено еще ударение не на окончании. Таковы, например, разговорные (или профессиональные) формы *ша́рфы́*, *ли́фты́*, *кра́ны́*, *торты́* (и *торта́*) и т. д. Тот же эффект реализуется в словах недавнего происхождения (принадлежащих преимущественно просторечию или жаргонам), например, *бомж́и́*, *менты́*, *понты́*.

Сходным образом ведут себя и определенные группы неодносложных (в исходной форме) существительных мужского рода — прежде всего, существительные с начальным ударением; ср. такие формы множественного числа, как *боцманá*, *шкиперá*, *конусá*, *сеттерá* и т. п.

Эффект этого типа не ограничивается словами мужского рода. Из многих других подобных групп назову только бессуффиксальные существительные женского рода на *-а*. В целом ряде молодых (часто просторечных) слов этой группы конечное ударение выступает как признак освоенности или даже вульгарности. Скажем, *фирма* в соответствующем жаргоне имеет ударение *фирма́*, в советскую эпоху занятие подпольной перепродажей иностранных товаров именовалось *фарца́*; аналогично построены жаргонные *понса́*, *шиза́*, *лимитá* и т. п.

Здесь естественно задаться следующим вопросом: почему получилось так, что по-русски неосвоенность выражается ударением на основе, а освоенность — ударением на окончании? Почему не наоборот? Сложилось ли это случайно или есть какая-то внутренняя пружина, которая именно такое решение делает естественным, а противоположное — неестественным?

Оказывается, есть простая причина. Она состоит в том, что, когда говорящий переносит ударение на окончание, он убирает из зоны внимания корень, т. е. главную часть слова. Эта часть остается в тени, потому что в условиях русского языка, с его сильной редукцией безударных слогов, после такого переноса ударения в слове слышится прежде всего окончание. Главная часть слова фонетически редуцируется, теряет ясность гласной и тем самым становится незаметной, несущественной, второстепенной для слова, остается заметным только окончание, ничего не сообщающее о значении слова. В самом деле, окончания служат лишь для того, чтобы слово было правильно включено в синтаксическую структуру фразы. А само слово, как бы показывает своим слушателям говорящий, мы с вами и так знаем, поэтому мы можем с ним (а именно с той его частью, которая является носителем основного значения) обращаться как угодно небрежно, можем скомкать его.

В итоге перед нами тот же самый эффект уменьшения значимости главной части языковой единицы, который в более простом варианте представлен в обсуждавшихся выше формах *Бутырка* и *Нобелевка*.

Таким образом, из двух теоретически возможных решений вопроса о том, куда предпочтительно падать ударению в экспрессивных вариантах слова, одно соответствует главной тенденции речи, а другое не соответствовало бы.

Приведенные выше примеры — это слова простейшей структуры: корень + окончание. Но сходный эффект наблюдается и в словах, содержащих суффиксы. Общее здесь в том, что в экспрессивных словах (или вариантах слова) корень безударен; только во втором случае с экспрессивностью коррелировано ударение не на окончании, а на суффиксе. Этот эффект наиболее полно реализуется на суффиксах-экспрессивизаторах. Обнаруживается следующая закономерность: если в суффиксе-экспрессивизаторе есть гласная (не в окончании, а в самом суффиксе), то ударение почти всегда падает на нее, например: *бандю́га, штормя́га, писа́ка, подлю́ка, железя́ка, показу́ха, развалю́ха, расте́ряха, выпиво́н, фальши́ак, неуставня́к, фильме́ц* и т. п.

Таким образом, производные этого типа реализуют ту же общую тенденцию, которая описана выше: они сминают корень.

Особо отметим также еще один несколько специфический способ ослабления главной части наименования.

Как хорошо известно, в русском языке в определенных типах речи в качестве корней на каждом шагу выступают слова из известного нецензурного списка. При этом от них образуются также самые разнообразные производные, конкретное значение которых уже практически никак не связано с первичным значением соответствующих корней. Наличие именно таких корней сообщает всему производному лишь общую ярко экспрессивную окраску. Фактическое значение слова целиком определяется ситуационным контекстом. Тем самым корень в этих случаях превращается в чистый носитель экспрессии, лишенный какого-либо собственно лексического значения, — своего рода джокер.

Это еще одно проявление, правда, весьма своеобразное, той же тенденции к ослаблению главной части наименования, которая описана выше. В соответствии с этой тенденцией корень как главный элемент слова стремится к уничтожению, но поскольку структура языка такого уничтожения не допускает, он вместо этого заменяется морфемой, с лексической точки зрения пустой.

Пути формирования суффиксов-экспрессивизаторов

Выше суффиксы-экспрессивизаторы обсуждались лишь с точки зрения их функционирования в синхронии.

Но представляет интерес также вопрос о том, каким образом в языке могут формироваться суффиксы с экспрессивным значением.

Как целое слово может иметь коннотацию вульгарности и грубости, например слово, которое пришло из воровского жаргона, — это понятно. Если известно, что оно из воровского жаргона, то сам этот факт его и окрашивает. А как такая коннотация может возникать для суффиксов? Суффикс же отдельно не существует.

В поисках ответа на этот вопрос попытаемся проследить в общих чертах историю некоторых суффиксов-экспрессивизаторов из числа активно распространившихся недавно. Бесценным инструментом здесь оказывается (по крайней мере, для последних трех веков) Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

Суффикс *-ух-а*

В современном языке следует различать *-ух-а₁*, образующее названия женщин и самок животных (*молодуха, старуха, толстуха, повитуха, стряпуха, белуха, рыжуха, пеструха* и др.) и *-ух-а₂*, образующее названия неодушевленных объектов (из старых слов — *медовуха, сивуха, голодуха, свинуха, желтуха, золотуха* и др.).

Но для *-ух-а₂* ныне имеется также большой класс сравнительно недавно возникших слов жаргонного или просторечного характера, отличающиеся ярко выраженной окраской вульгарности, например: *развлекуха, расслабуха, порнуха, кликуха, везуха, невезуха, спокуха, бытовуха, депрессуха, сетевуха* и т. п.

Сам этот суффикс — старый и первоначально единый. Он представлен в некоторых словах, известных с древнерусской эпохи. Белая корова — *белуха*, рыжая — *рыжуха*. В новгородских писцовых книгах XV века (НПК) упоминаются такие деревни, как *Борищуха, Соснуха, Липуха, Дятлуха, Горбуха*. Нет никаких оснований усматривать в них что-либо кроме обычных производных, указывающих на предмет, по которому деревня получила свое название.

Представляется правдоподобной следующая схема эволюции. Первоначально никакой экспрессии суффикс *-ух-а* не содержал. Он присоединялся к разным основам; одни означали предмет с положительной окраской, другие с отрицательной, третьи с нейтральной. У слов с отрицательной окраской (например, *голодь*) производное с *-ух-а* (*голодуха* — слово очень старое), конечно, тоже имело отрицательную окраску. Такую же окраску имело слово *золотуха* (зафиксированное в источниках несколько позднее), поскольку это название болезни (в данном случае несмотря на положительную коннотацию производящего слова). Суффикс *-ух-а* присутствовал также в названиях других болезней: *краснуха, желтуха*. Соответственно, в сознании носителя язы-

ка, очевидно, складывался неприятный ряд — ряд болезней и бедствий типа голодухи.

И вот, когда образуется новое слово с *-ух-а*, может происходить стилистический перенос: это новое слово может тоже быть до некоторой степени окрашено отрицательно. Можно предполагать также, что, ввиду отрицательной коннотации у уже имеющегося ряда слов с *-ух-а*, возникла тенденция к тому, чтобы при образовании новых слов использовать этот суффикс лишь тогда, когда производящее слово уже содержало некоторый элемент отрицательной окраски.

Наблюдение над письменными источниками показывает, что в ходе истории с каждым веком увеличивается процент слов на *-ух-а* с отрицательно окрашенной основой. Так, уже в XVIII веке у трех авторов: Фонвизина, Радищева и Крылова — появляется слово *оплеуха* (фонетический вариант к *оплевуха*). Слово идет от известного выражения *поплевать на руки* (перед дракой). Удар после этого символического жеста называется *оплеуха*. Понятно, что это слово уже по характеру своего основного значения сопряжено с отрицательными ассоциациями.

Появляются уже упомянутые *золотуха*, *желтуха*, а также слово *сивуха* в значении 'водка' — по-видимому, с оттенком 'плохая водка'.

Позднее появляется слово *завируха*, и еще ближе к нашему времени слово, которое вошло в литературный язык, — *показуха*. Первый раз оно встречается у Мариенгофа и в «Одном дне Ивана Денисовича» Солженицына (50-е годы XX века). Слово *бормотуха* в первый раз фиксируется у Венедикта Ерофеева. Это не значит, разумеется, что эти слова появились ровно с этими авторами, но, вероятно, временная дистанция в этих случаях была невелика.

Чем ближе к нашему времени, тем дальше от древнего состояния, когда не усматривается вообще никаких признаков отрицательных значений у суффикса *-ух-а*, тем больше процент слов с отрицательной окраской. Взрывообразный перелом происходит примерно в конце XX века, когда слова на *-ух-а* начинают возникать десятками, причем все они уже обладают мощным зарядом пренебрежительности, грубости, вульгарности (примеры см. выше).

Здесь полезно сделать небольшое отступление по поводу слова *заваруха*. Это слово появляется первый раз в «Мятеже» Фурманова (1924 год). В сознании нынешних носителей языка оно представляется прямо связанным с выражением *заварить кашу*, *заварилась такая каша*. Но реальная история этого слова совсем иная: слово существовало давно и имело корень *ворох-* — тот же, что в *ворошить*, *разворошить*, *взворошить*. Имелся глагол *заворошить* и существительное *завороха* или (в уменьшительной форме) *заворошка*, обозначающее некое сложное и запутанное сплетение событий. В литературе XIX века употребляется только вариант с *ворох-*, *ворош-* (например, у Мами-

на-Сибиряка); в XX веке он доживает до момента чуть позже, чем появляется первая *заваруха*. Поскольку внутренняя форма слова *завороха* была не очень понятна, то с учетом аканья осталось только сменить *о* на *у*, и получилось полностью новое слово с совершенно не исконной, а чисто народной этимологией — смысловой связью с *заварить кашу*. Слово, не содержавшее никакого суффикса, оказалось втянутым в ряд слов с суффиксом *-уха*. Фурманов, вероятно, уже слышал это слово в форме с *-уха*. Оно стало первым из слов этой группы, которое вошло в литературный язык.

Можно предполагать, что история суффикса *-ух-а*, состоящая в постепенном развитии и усилении экспрессивных коннотаций, является достаточно типичной.

Суффикс *-ов-о*

Этот суффикс с мощной экспрессивной окраской дает такие свежие жаргонизмы и вульгаризмы, как *косилово*, *долбалово*, *винтилово*, *месилово*, *рубиллово*, *тупилово*, *зажигалово*, *пыталово*, *получалово*, и множество других и представляет выдающийся пример языкового события, совершившегося примерно лет за двенадцать-пятнадцать. Это поразительный срок; первая по времени фиксация в НКРЯ (слово *стебалово*) — 1997 год.

Попытки выявить происхождение этого весьма необычного суффикса приводят к выводу, что источником здесь были народные говоры. В говорах мы находим, в частности: *дрáлово* ‘убегание, побег’ (СРНГ, 8: 171; ср. *драпать*, *удирать*), *лягово* ‘время, когда ложатся спать’ (17: 255), *гу́лево* ‘гулянье’ (7: 213), *ко́сево* ‘косьба’ (15: 48), *па́сево* ‘пастьба’ (25: 252), *ку́рево* ‘метелица’, ‘курающаяся снежная дымка’ (16: 118), *кла́дево* ‘складывание в скирды’ (13: 254), *вэ́зево* ‘удача’ (4: 96).

Предположительная картина предыстории данного суффикса такова.

В древнерусском языке имелся непродуктивный суффикс *-ов-о*, представленный в словах *логово*, *тулово*, и ограниченно продуктивный суффикс *-ив-о*, представленный, в частности, в *круживо*, *вариво*, *куриво*, *сочиво*, *топливо*, *прядиво*, *сичиво*, *огниво*. В дальнейшем в ряде слов с *-ив-о* суффикс был реинтерпретирован как *-ев-о* (чему способствовало фонетическое совпадение безударных *и* и *е* во многих говорах) — возникли *кружево*, *варево*, *курево*, *прядево*. Новое *-ев-о* оказалось в роли варианта суффикса *-ов-о*.

Производные с суффиксом *-ив-о* в большинстве случаев первоначально имели значение объекта или продукта действия. Но впоследствии, по крайней мере в какой-то части говоров, значение суффикса расширилось: он стал допускать также и значение действия (процесса); отсюда диалектные (уже с вариантом *-ев-о*) *гу́лево*, *ко́сево*, *па́сево*, *ку́рево*, *кла́дево* и др. (см. выше).

Ввиду объединения *-ево* с *-ово* значение действия могли получать уже и производные с *-ово*; отсюда диалектные слова типа *дрáлово*.

Именно эта последняя модель и была воспринята жаргонами. При этом, как обычно бывает в таких случаях, продуктивным стал самый банальный с морфологической точки зрения вариант этой модели, а именно образования с *-алово*, *-илово*: *зажигалово*, *месилово* и т. п.

Таким образом, суффикс *-ов-о* являет собой яркий пример проникновения редкого диалектного суффикса в общерусское просторечие и его необычно быстрой экспансии.

Суффикс *-он*

Этот суффикс представляет несколько специальный лингвистический интерес. В настоящее время в жаргонах и просторечии он чрезвычайно распространился: *выпивон*, *закусон*, *объедон*, *закидон*, *раздолбон*, *вышибон*, *обстригон*, *обстругон* и т. д. — примеров необычайно много. Особенность здесь в том, что этого суффикса, в отличие от остальных, нет ни в литературном языке, ни в говорах, т. е. его возникновение представляется с этой точки зрения загадочным.

Рассмотрение источников показало, что был ровно один родоначальник всей этой группы: слово *опрокидон* ‘выпивка’ (первоначально: ‘жест человека, опрокидывающего себе в рот рюмку’), которое сейчас, по-видимому, уже никто не употребляет. Это слово встречается у Лескова и у Чехова, но в форме не *опрокидон*, а *опрокидонт* (с уменьшительным *опрокидонтик*); очевидно, в XIX веке в течение какого-то времени оно было до некоторой степени модным. Вариант *опрокидон* — явно упрощение исходного *опрокидонт*.

Далее происходит следующее: со значительным интервалом во времени появляется первое новое слово, причем оно оказывается просто синонимом *опрокидонта* (*опрокидона*), — *выпивон*, вслед за чем к *выпивону* присоединяется — довольно логично — *закусон*. Оба слова появляются в литературе 1920-х годов. Потом снова в течение длительного времени ничего нового не фиксируется, и вдруг в конце XX века наступает взрыв. В последнее двадцатилетие появляются все нынешние *объедоны*, *отрубоны*, *зависоны* и им подобные. (Заметим попутно, что *зависон* — это из компьютерного жаргона, который составляет заметную часть нынешнего огромного фонда вульгаризмов, захлестывающих интернет, и в полном соответствии с тем, что сказано выше о единстве языкового механизма в жаргонах всех социумов, с технической точки зрения вполне одинаков, например, с жаргоном уголовного мира.)

Откуда возник *опрокидонт*? *Опрокид-* — явно русская основа. Кто мог придумать и добавить суффикс *-онт*? В русском языке такого суффикса нет,

его можно найти только в греческом, где он представлен, например, в слове, заимствованном в русский язык в виде *горизонт*; похожий конец (хоть это и не суффикс) представлен в слове *мастодонт*; существуют также имена типа *Ксенофонт*, *Беллерофонт*. Лесков был связан с бурсацкой традицией, знаком с ней был и Чехов, так что оба автора явно почерпнули это слово из бурсацкого жаргона, где сочинение иронических квазигреческих слов (с русской основой и греческой конечной частью) было известным развлечением. Очевидно, *опрокидонт* выдуман в бурсацкой среде. Далее он упростился до *опрокидона*, потом по сходству значений было придумано слово *выпивон*, а в дальнейшем из этого в русском языке вырос активнейший экспрессивный суффикс *-он*, уникальная история которого оказывается, таким образом, весьма поучительной для понимания возможностей исторического развития морфем.

Л и т е р а т у р а

- Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.
- Зализняк 1977/2010 — Зализняк А. А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Вып. 8. М.: МГУ, 1977. С. 71—119; перепеч. в: Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. I. М., 2010. С. 464—512.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru/
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I—VI и указатель. СПб./Пг., 1859—1915.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1— . М.; Л., 1965—.